

ТЕАТР в буржуазных странах Запада — все чаще становится забавой пресыщенных снобов, ареной для самых беспардонных формалистических выкрутасов, не имеющих ничего общего с подлинным искусством. И тем не менее находятся «теоретики», которые, пытаясь обосновать все эти выверты, подводят под них «научную базу» и даже придумывают термины. Каних здесь только нет: «социодрама», «психодрама», «тотальный театр», «свободное выражение» и так далее.

И все чаще появляется среди этих терминов слово «хеппенинг», от английского «to happen» — происходит, случается, пришедшее в театральный лексикон с подмостков США. Им обозначается спектакль-импровизация, цель которого — «отразить жизнь во всей ее неприкрашенной простоте и хаотичности». Режиссер такого спектакля — «хеппенер» — волен делать, что ему вздумается: устроить свое зрелище в магазине или на базаре, использовать зрителей, добровольцев в качестве актеров этих рисованных экспериментов, а в качестве

СВОБОДНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ... БЕЗОБРАЗИЯ

france Observateur

НИЧТО нас не миновало: ни «хеппенинг», ни «наглядная драма», ни «всеобщий театр», ни «поп-искусство». Более того, мы даже приняли в этом по-

сильное, вернее, насильное участие, взяв на себя определенную долю ответственности. Теперь пора подвести итоги. И это совсем не смешно, скорее грустно.

Прежде всего разберемся, что же это за явление — «хеппенинг»? Толком этого никто не знает. Вот почему я без особых угрызений совести попытаюсь дать собственное определение. Исторически эта форма театра существует в США уже лет пять-шесть. Она сводится к тому, что один или несколько «хеппенеров» приглашают своих друзей — художников или писателей — в какое-нибудь специально избранное и оборудованное место для участия в совместном «поэтическом» преобразении повседневной действительности. Предполагается, что это подобие макумбы (ритуальный массовый танец бразильских индейцев. — Прим. пер.) — мистические заморания, должностующие выражать мечтательное настроение, — позволяют высвободиться творческому началу, которое никого не может оставить безучастным и основано на потенциальном стремлении к действию в каждом из нас.

Созданию этого произведения-однодневки, по природе своей лишнего автора, способствует отрицание «хеппенерами» разумного начала в человеке.

«Высвободить смысл жизни из оков труда, производящего предметы широкого потребления, отыскать игровое состояние, произвольное и четкое, которое передается на язык бессознательности, обобщить во всемирном масштабе разрозненные празднества» — так определяют свои цели «хеппенеры».

В последние годы у нас во Франции появились собственные «хеппенеры»: Жан-Жак Лебель, Алэн Жуфруа, Икили, Даниэль Помрель, Клод Ришар. Самое известное их представление состоялось в универсальном магазине «Бон Марше», куда были отведены несколько сот зрителей, явившихся на спектакль в зал Ре-

анссуаров — продукты питания и домашней утвари.

Недавно в театре Америка и с его центра в Париже был проведен даже фестиваль «театра свободного выражения», который был широко освещен французскими и итальянскими газетами.

О том, что же представляет собой подобное «искусство», рассказывает публикуемая ниже статья Марка Пьерре, которую мы перепечатаем из газеты «Франс обсерватор» с небольшими сокращениями.

Критик этого крупнейшего буржуазного еженедельника с явной иронией относится ко всем интеллектуальным потугам «хеппенеров», пародируя заумно-напыщенный стиль теоретиков «театра свободного выражения».

камье. Как только зрители оказались в магазине, им было предложено импровизировать на тему купли-продажи, выдачи покупок и их упаковки. А в качестве товаров использовались тщательно упакованные бульбукни. Не обошлось и без оскорблений.

На прошлой неделе «хеппенинг» впервые попали в настоящий театральный зал. Вот почему мы заговорили о них, ибо подобные опыты «прямой поэзии» заставляют подумывать о ряде проблем, касающихся социального значения театра и его существования.

Вместо обзора всех представлений я предпочитаю дать краткое описание трех основных моментов, характеризующих события, которые развернулись на сцене театра Американского центра.

Вторник, 26 мая, час ночи. Театр, на стенах которого размещалась выставка произведений «поп-искусства», полон. Все сосредоточенно слушают двух джазистов, негритянских музыкантов из США — Джонни Гриффина и Арта Тейлора. Им аккомпанирует французский контрабасист Альби Кюлла. А рядом, слева от трио, на сцене судорожно извивается белокожий новозеландец Джон Изэм. Следуя ритму ударника, он пытается изобразить что-то, вдохновляясь, видимо, схемами в духе абстракциониста Мондриана. Однако Арт Тейлор ускоряет темп, его синкопированные удары обрекают Изэма на постыдное унижение. Танцор выдыхается. Соло ударника Арта Тейлора затягивается свыше всякой меры, и танцор превращается в нелепого попрыгунчика.

Пятница, 29 мая, 23 часа. В зале сильно пахнет рыбой. Несколько девушек в купальниках катаются в объятиях безмолвных мужчин по полу на середине зала, усыпанного клочьями бумаги и тряпьем. В это же время полуголые художник и актер швыряют рыбой в Риту Ренуар, звезду «стриптиза», Робер Кантер и Пу-

аро-Дельпек (известные французские театральные критики. — Прим. пер.) отодвигают свои стулья, чтобы спастись от крови пыллат, которых раздирают в клочья другие исполнители — специалисты «психо- и визиодрамы».

Суббота, 30 мая, 22 часа 30 минут. Поэт Исидор Изу кричит в микрофон, что «хеппенинг» пропитаны фашистским духом. В то же время несколько юношей из группы «Социализм или варварство», сея страх и разрушение, пытаются сорвать спектакль и тем самым, как им кажется, ускорить гибель буржуазного искусства.

Чувствуя, что события развиваются безудержно и страшно, «хеппенер» Жан-Жак Лебель срывает с себя рубашку на глазах у своих отчаявшихся родителей и пытается восстановить порядок. Зритель адвокат Морис Реймс, сопровождаемый одним из представителей семейства Ротшильдов, находит, что вся эта история слишком затянулась. А некий молодой уроженец Ниццы — тоже зритель — явно ищет смерти, размахивая револьвером. На роскошные туалеты высыпаются мешки муки, в действие включается пожарный брандспойт.

...Зажатый в углу зала, я созерцаю эту гигантскую драму общества, которая представляется мне пародийным повторением сюрреалистических выходов тридцатилетней давности.

Мне не слишком приятно писать это, но я действительно думаю, что все эти «хеппенеры» на деле тщатся сыграть роль режиссера-новатора Планшона, но только рассчитывая на вкусы богачей. А на самом деле «хеппенинг» отражает беспорядок, царящий в нашем индустриальном обществе. Даже протестующие против подобных опытов попались в эту арелищную мышеловку, внутри которой все мы в тот вечер — и любопытствующие, и снобы — вели себя как безумцы, забавляясь игрой в «авангард» в перерыве между выступлениями двух пианистов.

Марк ПЬЕРРЕ.

Главный редактор
Д. Г. БОЛЬШОВ.

30 МАЯ 1964

СОБЕТСКИЙ КУЛЬТУРА
Г. МОСКВА